

По ту сторону тоталитаризма: советское как форма социальности в исследовательской программе Н. Н. Козловой*

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Статья посвящена творческому наследию выдающегося исследователя «советского человека» Натальи Никитичны Козловой (1946–2002). В своих сочинениях 1990-х годов по социологии повседневности и социально-исторической антропологии она разработала уникальную методологию изучения человеческого измерения «модернизации сверху», проводившейся в СССР в рамках политики построения социалистического общества. Ее исследовательская программа была направлена на теоретическую реконструкцию социальных практик и модусов существования «простого советского человека», понимаемого в качестве «антропологического последствия» попытки реализации коммунистического проекта в России. При этом стремление к «обнаружению следов маленького человека в большой истории», как формулировала свой творческий метод сама исследовательница, не имело ничего общего с идеологически нагруженным дискурсом «тоталитаризма»: Н. Н. Козлову интересовали не столько формы контроля над обществом со стороны диктатуры, сколько лакуны в нем, не техники тоталитарного господства, а практики неполитического сопротивления снизу, не тотальность, а дискретность социальной ткани нового массового общества. Ведущим познавательным интересом в ее работах, новаторских как с содержательной, так и методологической точки зрения, всегда оставался «неправильный» советский модерн, плохо вписывающийся в нормативные представления о Современности. Исследовательская оптика, разработанная в трудах Козловой, сохраняет свою эвристическую значимость и сегодня, когда Россия переживает своеобразный «советский ренессанс». Более того, ее подходы к изучению общества «нового типа» во многом позволяют понять на антропологическом уровне и то, что сейчас происходит с нашей страной. В статье реконструируется исследовательская программа Н. Н. Козловой по изучению советской социальности как предмета социальной философии и социальной антропологии. Основное внимание будет уделено теоретическим подходам к анализу повседневных практик, позволившим ей разработать уникальную авторскую методологию.

Ключевые слова: политическая антропология, исследования советского, Н. Н. Козлова, исследовательская программа, повседневность, бессубъектные формы социальности

© Кильдюшов О. В., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-1-173-182

* В основу статьи легли тезисы выступления на конференции «По ту сторону тоталитаризма: программа исследования «советского человека» Н. Н. Козловой», которую Центр социальной теории и политической антропологии имени Н. Н. Козловой при философском факультете РГГУ провел 30 марта 2016 года совместно с Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ.

В данной научной работе использованы результаты проекта «Спонтанность и длительность в социальной жизни: от эпизодов коммуникации к структурам порядка», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 году.

Это только «сверху» кажется, что масса серая,
а на самом деле тут люди живут.

Андрей Платонов

Открывая новую для журнала «Социологическое обозрение» рубрику «*Studia sovietica*» текстами о творческом наследии Натальи Никитичны Козловой, в этом вводном слове сразу обратим внимание на один важный момент содержательного и структурного свойства. В случае с рецепцией творчества Н. Н. Козловой существует одна проблема, которая была очевидна еще при ее жизни (во всяком случае, я неоднократно обсуждал это с нею): ее занятие судьбами «маленьких людей», сюжетами из частной жизни, т. е., казалось бы, никак не связанными между собой социальными траекториями персонажей из гетерогенных социальных слоев, не только порождало оптическую иллюзию «мелкотемья», т. е. недостаточной теоретической релевантности предмета исследования, но и вызывало подозрение в концептуальной ненагруженности этих *case studies*, в отсутствие здесь и намеков на «большую» и целостную социальную теорию. Сегодня понятно, что это была именно оптическая иллюзия, поскольку исследовательский проект Н. Н. Козловой по реконструкции политической антропологии русского модерна был очень амбициозным академическим предприятием, вписанным в серьезный теоретический контекст. На это указывают уже имена-маркеры определенных теоретических подходов и исследовательских методологий, которые встречаются в ее текстах и которые относятся сегодня к «новой классике» социальной теории: П. Бурдьё и Э. Гидденс, В. Беньямин и А. Шюц, Н. Элиас и Э. Канетти, М. Маффесоли и М. де Серто и многие другие. В этом смысле она работала на уровне современной методологии социального познания и именно поэтому сама стала классиком новой русской социальной антропологии. Тем не менее рискну предположить, что в ее содержательно и методологически новаторских работах все же не найти эксплицитной теории советского. В этом смысле можно сказать, что ее амбициозный проект по теоретической реконструкции, т. е. по концептуализации социально-исторического опыта России в XX веке, не был завершен.

Вклад данных размышлений в актуальную дискуссию о советском, давно превратившуюся в необозримый корпус текстов¹, может заключаться в выдвигании «базовой гипотезы»: ведь часто важнее развить некую рамочную — и, всегда хочется надеяться, интересную и когерентную в себе — возможность интерпретации, чем доказывать, что она во всех деталях дословно подходит к понимаемому тексту или истолковываемому явлению. Естественно, не может быть и речи о том, что предлагаемая здесь интерпретация очень многомерной исследовательской программы Н. Н. Козловой является единственно «правильной», что она исключает

1. В качестве подтверждения непрекращающихся дебатов о советском модерне приведу дискуссию «Споря о модерности» на страницах журнала «НЛО», спровоцированную статью американского историка Майкла Дэвид-Фокса (Дэвид-Фокс, 2016).

ет альтернативные подходы к пониманию ее наследия. Амбиции последнего типа, помимо своей архаичности, и без того являются методически вторичными...

В целом мы исходим из того, что основные теоретические усилия этого выдающегося исследователя советского были направлены на поиск концептуального решения структурной для Современности проблемы *политического кондиционирования социального*, которая конкретно-исторически может решаться в различных формах. В этой оптике весь исследовательский проект Н. Н. Козловой был посвящен исследованию форм кондиционирования советского типа социальности, понимаемого как антропологическое последствие проекта большевистской модернизации. Именно в этом смысле она говорила о политической антропологии модерна, задающего совершенно иные стандарты «личности», предлагающего новые модели «индивидуальных» идентичностей и траекторий личной биографии. Именно в этом смысле она рассматривала советских людей как безусловно современных и с точки зрения генеалогии, и по базовым характеристикам, хотя и относящихся к другому, незападному, модерну. Конечно, этот «неправильный» советский модерн возник в совершенно иных общественно-политических условиях и иной социокультурной среде, нежели классическая Современность западноевропейского или американского типа. На наш взгляд, именно эта тема является эвристически центральной для всего наследия Н. Н. Козловой.

Далее я попытаюсь кратко эксплицировать базовые характеристики советской формы социальности, выявленные или выявляемые в рамках исследовательской программы Н. Н. Козловой.

Сразу отмечу «антитоталитаризм» ее подхода, причем в двух смыслах: с одной стороны, это прямое неприятие самого концепта «тоталитаризм», а с другой — способа его применения адептами этого «всепобеждающего учения» в 1990-е, рецидивы которого наблюдаются среди авторов определенного направления до сих пор. Она подчеркивала, что представление о советском обществе как тоталитарном возможно лишь в рамках концептуализации, игнорирующей все многообразие социокультурного опыта и нивелирующей локальное, индивидуальное (Козлова, 2004: 21).

Поэтому при разработке собственной исследовательской программы исходным пунктом для нее стало критическое дистанцирование от не столько научно, сколько идеологически мотивированных подходов к изучению истории советской Современности не только по политическим, но именно по эвристическим причинам: доминировавшая тогда «тоталитаристская» парадигма интерпретации, претендовавшая на единственно научное объяснение русского исторического опыта XX века, оказалась неспособной построить адекватную модель советского общества. По сути, эта модель была структурно изоморфна советскому дискурсу советского: только она предлагала негативные нормативные образы «реального социализма», которые затем подвергались онтологизации. Как убедительно показала Н. Н. Козлова, подобный подход скорее создавал непреодолимые когнитивные преграды, разделяющие исследователя и изучаемую им действительность. Исто-

рическая реальность как бы ускользала от адептов новой всеобъясняющей теории, блокировавшей своими квазинаучными способами операционализации идеологически перегруженных понятий доступ к социальной феноменологии, к реальным практикам воспроизводства самой социальности. Это касается не только раннесоветского периода, т. е. собственно ускоренной насильственной модернизации сталинской эпохи, но и периода остывания и последующего разложения советского революционаризма как мобилизирующего и легитимирующего мифа в последние десятилетия существования реального социализма².

В частности, в рамках тогдашних (а нередко и нынешних) дебатов устойчивым топосом является тезис об архаичности советского, о его регрессивном, антимодернистском и антидемократическом характере: речь шла ни много ни мало о том, что наша страна свернула со столбовой дороги «нормального» развития, характерного для эпохи Современности. В рамках этой оптики СССР предстал как великая историческая девиация, стоившая огромных напрасных человеческих, духовно-интеллектуальных и институциональных потерь, восполнить которые не удастся очень долгое время. По-человечески это вполне понятная реакция на, несомненно, катастрофический характер русского модернизационного процесса в его сталинской версии. Тем не менее сама она являлась дискурсивным артефактом позднесоветского интеллигентского сознания, блокировавшим предметное отношение к трагическому опыту русской модернизации во всей его полноте. В наивно-«либералистской» перспективе весь советский опыт и советский человек (презрительно маркировавшийся в новом языке как *homo soveticus*) в качестве его антропологического результата описывался как отклонение от нормы исторического развития: «совок» предстал как воплощение социальной патологии³. Н. Н. Козлова писала в этой связи, что подобная стигматизация больших масс людей была средством в символической борьбе интеллектуалов и не имела отношения к проблеме теоретического объяснения реально происходившего в социальной ткани советского общества (Козлова, 2004: 22).

Педалирование насильственного характера советского проекта, причем именно в форме открытого, буквально физического насилия⁴, не позволяло обратить должного внимания на другие не менее важные структурные элементы, самое главное, на реальные техники социального воспроизводства⁵. Отсюда интерес выдающейся исследовательницы к методологиям, позволявшим рассматривать темы

2. См. критику упрощенного взгляда на поздний социализм посредством бинарных оппозиций типа подавление—сопротивление в методологически прорывной работе американского антрополога Алексея Юрчака (Юрчак, 2016: 38–44; раздел «Бинарный социализм»).

3. Уничжительные термины такого рода использовались в 1990-е не только в политической публицистике определенного толка, но и в серьезной исследовательской литературе (см., например: Вишневский, 1998. Особенно раздел 5.4 «Автономная личность: „Homo Sovieticus“»: 174–181).

4. Несмотря на серьезные содержательные и методологические достижения исследователей советского исторического опыта последних десятилетий, подобные работы продолжают выходить. Таково, например, сочинение немецкого историка сталинизма Йорга Баберовски (Баберовски, 2014).

5. В качестве примера исследования, обращающего внимание именно на социально-технологическую сторону функционирования идеократических режимов XX века, можно назвать недавний труд

социальной нестабильности, вариативности, альтернативности социальных сценариев, переходности, маргинальности, множественности культурных практик. Именно поэтому в фокусе ее внимания оказались повседневные практики: дискурсивные, телесные, жизненно-стилевые. В результате подобной смены оптики все то, что могло казаться цельным и монолитным, то есть тотальным, превращается в относительно автономные сферы и анклавов, где было возможно если не прямое сопротивление власти, то в любом случае саботаж, ускользание от нее и даже использование в собственных интересах. Одним словом, тоталитарная реальность предстает в такой перспективе не столь уж и тоталитарной. Подчеркну еще раз, что Н. Н. Козлова вовсе не пыталась реабилитировать безусловно людовоедскую систему, а стремилась теоретически зафиксировать неоднородность и многообразие социального опыта, порожденного взаимодействием с ней (Козлова, 2004: 21).

В любом случае антимодернизационный тезис не адекватен современному уровню социально-научного знания — особенно если иметь в виду центральный для социологии вопрос, поставленный еще Максом Вебером в рамках его теории действия: «Какие мотивы заставляли и заставляют отдельных „функционеров“ и членов данного „сообщества“, вести себя таким образом, чтобы подобное сообщество возникло и продолжало существовать!» (Вебер, 1990: 620). Козлова обоснованно считала, что без содержательного ответа на этот вопрос невозможно понять не только то, как возникло и существовало почти целый век советское общество, но и то, как и почему это общество прекратило свое существование (Козлова, 2004: 14). В этом смысле она исследовала конституцию советской формы социальнойности в рамках веберовской эвристики, требующей при анализе любого социального порядка, даже самого тоталитарного и насильственного, учета перспективы тех, кто ему подчиняется. Таким образом, ее исследовательская программа была попыткой ответа на рамочный вопрос М. Вебера об условиях стабильности всякого политического господства и его зависимости от веры в его «легитимность».

Козлова справедливо указывала на ряд структурных характеристик нового общества, которые просто не укладывались в схему советского как антимодернизационной архаики. Методологически контролируемое чтение документов жизни, а не только референтных текстов эпохи позволило исследовательнице получить «непосредственный» доступ к структурам жизненного мира носителей советской социальнойности. Собственно его реконструкции и посвящены многие ее тексты. Как она писала в одной из поздних работ, жизнь советского общества завершилась, его кумиры давно повержены, однако базовой задачей исследователя, а не идеолога остается поиск и описание структур социального производства и воспроизводства (Козлова, 2000).

Именно поэтому она говорила о необходимости теоретического переосмысления советского общества в его фактической, а не фиктивной социальной истории.

знатока сталинской повседневности Ш. Мерля «Политическая коммуникация при диктатуре: Германия и Советский Союз в сравнении» (см. рецензию на эту книгу: Кильдюшов, 2014).

Речь идет о сознательном смещении фокуса внимания с того, что сверху видится жестким, централизованным и институциональным, на то, что практикуется и переживается внизу как амбивалентное, локальное и поливариативное. Благодаря смене объекта исследования — от официального дискурса к нарративам маленьких людей — достигается поразительный по результатам когнитивный эффект. На основании анализа человеческих документов «простых»⁶ советских граждан Козловой удалось выявить следующие конститутивные признаки нового массового общества современного типа. Не претендуя на полноту перечисления, назову лишь некоторые из них:

— радикальный *конструктивизм* советского проекта (его абсолютно «неестественно-исторический» характер вопреки утверждениям самого советского дискурса советского);

— *рефлексивность* и контролируемость модернизационного процесса;

— поразительно быстрая *интериоризация* вчерашними крестьянами *высоко абстрактного* легитимирующего метанарратива (вместе со связанными и навязанными способами социальной классификации людей, идей и вещей — несмотря на исторически стремительную скорость формирования этой системы таксономий!);

— утверждение в качестве нормативного представления *Я-центрированной перспективы*, сделавшей возможным не только новый массовый жанр индивидуальной биографии, но и принципиально иные институционально-правовые техники;

— следующее ключевое для эвристики советского у Козловой слово — «*согласие*»: она очень близко подошла к пониманию СССР как «консенсусной» или «патриципаторной» диктатуры, концепты которой были разработаны рядом западных исследователей на немецком историческом материале (Peukert, 1982; Fullbrook, 2005);

— *устойчивость советской идентичности* как в качестве целостного габитуса советского человека, так и — прежде всего — отдельных ее конститутивных элементов (как показывает опыт нынешнего несоветского ренессанса, который был предсказан ею еще в начале 1990-х, речь идет не только об относительно легкой воспроизводимости советской идентичности, но и о «регулярности» этого воспроизводства);

— абсолютно современный по происхождению *выбор социального репертуара* — как на уровне используемых символических и семиотических средств, так и на уровне социальных траекторий.

При этом Козлова подчеркивала, что «узость границ выбора» отнюдь не является особенностью лишь советского варианта вхождения в модерн: советская современность не только открывала «возможности эмансипации и самоактуали-

6. Наталья Никитична часто говорила, что «простых людей» в принципе не бывает, поскольку это всегда сложный продукт взаимодействия различных социальных сил, часто невидимых для традиционных методов социального анализа.

зации», но и задавала пределы для них, «производя различие, исключение и маргинализацию». В своих работах она показала: вопрос выбора жизненных стилей стоял не только перед элитой, поскольку очень многим советским людям приходится принимать решение о том, «кем быть» в рамках предлагаемого набора опций (Козлова, 2004: 21). При этом она ссылалась на Н. Элиаса, писавшего о том, что нет ни одного общества, где подобные пространства выбора отсутствуют полностью. Другое дело, что вид и широта выбора, доступного отдельному индивиду, зависят от структуры общества (Элиас, 1990: 9). Именно поэтому исследовательница протестовала против популярной интерпретации советского общества как лишенного пространства личного выбора.

В заключение остановлюсь на ключевой для исследовательской программы Козловой проблеме советской субъектности, или, скорее, бессубъектного характера советской формы социальности. Эта проблема имеет общетеоретическую релевантность и является ключевой для теории социального порядка в целом. Еще со времен Макса Вебера принято считать, что любое социальное изменение происходит тогда, когда социальные агенты в своих действиях перестают ориентироваться на представление о действенности существующего социального порядка. И, напротив, всякий социальный порядок стабилен в ситуации, когда постоянно воспроизводится вера в такую действенность (Вебер, 1990: 631). Таким образом, «своими действиями актеры социальной драмы воспроизводят или изменяют сами условия действия»: с одной стороны, свойства социальной системы лишь в ограниченной степени зависят от сознания и воли индивидов, с другой — характер социальных процессов вызван не чем иным, как повседневными решениями множества социальных агентов, их фактическими действиями, а не нормативными представлениями (Козлова, 2005: 22).

В своих методологически новаторских текстах Козлова подчеркивала несоответствие у ее героев таких свойств, как авторство и автономия, субъективность и субъектность. Опираясь на работы М. Фуко, она на материале личных документов советской эпохи зафиксировала уникальный на первый взгляд феномен *бессубъектной я-интенциональности* и несубъектной рациональности. При этом исследовательница указывала на то, что само представление о субъекте, возникшее в контексте истории новоевропейского классического рационализма, малоприменимо при анализе советской формы социальности, поскольку «субъект мыслится хозяином истории, который берет ответственность за настоящее, прошлое и будущее. Субъектом почитают того, кто обладает сознанием волевым и рефлексивным, способен совершать сознательный выбор из альтернатив, реализуя возможности индивидуальной свободы». Более того, Н. Н. Козлова прямо указывала на то, что не только изучаемые ею «маленькие люди», но и большинство людей не отвечают высоким требованиям идеологии модерного субъекта, «самим своим существованием наводя на мысль о наличии бессубъектных форм культуры и иллюстрируя представление о человеке только как о точке пересечения социальных связей» (Козлова, 2004: 22).

Козлова считала, что подобный «бессубъектный подход релевантен не только в рамках советских исследований, но является важным методологическим условием для более реалистической реконструкции процессов социальной модернизации в целом: ведь речь идет об обнаружении способов социального действия, которые не схватываются и ускользают от господствующих форм рациональности. Именно поэтому она предпочитала вместо проблематичного понятия «субъект», перегруженного волюнтаристскими коннотациями из европейской истории идей, использовать *terminus technicus* «актор», допускающий многообразие форм и степеней субъектности. Таким образом, на материале советской антропологии Н. Н. Козлова убедительно показала, что «человек может и не быть субъектом, но он всегда деятель» (Козлова, 2004: 23), т. е. актор или агент социального взаимодействия.

Здесь можно заметить, что представление об идеальном социальном агенте модерна как во взрослом дееспособном лице, осуществляющем свободный сознательный выбор, напрямую связано с классической антропологией права, в рамках которой только и возможно вменение индивидуальной ответственности за совершенные действия. Этот конструкт позволяет применять в рамках того же дискурса тоталитаризма правовую по своей сути технику вменения индивидуальной вины за действия социальной системы.

С другой стороны, подобное смещение фокуса может иметь серьезные последствия, в том числе правовые и политические: если мы признаем, что индивид не является субъектом и автором своей судьбы, то проблематичной становится вся политическая и правовая техника модерна. Например, тогда бессмысленно представление о его способности осуществлять политический выбор в рамках процедуры демократического волеизъявления, как и нести за свои действия ответственность в качестве правового лица. Стоит ли говорить, какие огромные перспективы это открывает для политики антимодернизационного реванша, что можно наблюдать в текущей политической практике. При этом структурно они мало отличаются от попыток со стороны самоназначенных производителей нормы стигматизировать конститутивный для большинства советский социальный опыт как историю пассивного претерпевания бессловесной и безликой массы, против которых был направлен исследовательский пафос Н. Н. Козловой.

Литература

- Баберовски Й. (2014). Выжженная земля: сталинское царство насилия / Пер. с нем. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН.
- Вебер М. (1990). Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вишневский А. Г. (1998). Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ.
- Дэвид-Фокс М. (2016). Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? / Пер. с англ. Т. Пирусской // Новое литературное обозрение. № 4. С. 19–44.

- Кильдюшов О. В.* (2014). Политическое как коммуникация (Рецензия на книгу: Stephan Merl, Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich [Göttingen: Wallstein, 2012]) // Социологическое обозрение. Т. 13. № 3. С. 238–245.
- Козлова Н. Н.* (2000). Опыт социологического чтения «человеческих документов», или Размышления о значимости методологической рефлексии // Социологические исследования. № 9. С. 22–32.
- Козлова Н. Н.* (2004). Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. № 1. С. 14–26.
- Козлова Н. Н.* (2005). Советские люди: сцены из истории. М.: Европа.
- Элиас Н.* (2001). Изменения баланса между Я и Мы // *Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Праксис. С. .
- Юрчак А.* (2016). Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛО.
- Fullbrook M.* (2005). The People's State: East German Society from Hitler to Honecker. New Haven: Yale University Press.
- Peukert D.* (1982). Volksgenossen und Gemeinschaftsfremde: Anpassung, Ausmerze und Aufbegehren unter dem Nationalsozialismus. Köln: Bund-Verlag.

Beyond Totalitarianism: The Soviet as a Form of Sociality in N. N. Kozlova's Research Program

Oleg Kildyushov

Researcher, Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

These reflections are dedicated to the creative heritage of the outstanding researcher of the "Soviet man," Natalya Nikitichna Kozlova (1946–2002). In her works of the 1990s on the sociology of everyday life and socio-historical anthropology, a unique methodology was developed for the investigation of the human dimension of "modernization from above" that was provided within the politics of building a socialist society in the USSR. Her research program was focused on the theoretical reconstruction of social practices and modes of existence of the «ordinary Soviet man», understood as an "anthropological consequence" of the attempt of the realization of the communist project in Russia. However, her intention for the "disclosure of traces of little man in big history," as it was expressed by the researcher herself, has nothing to do with the ideology-laden discourse of "totalitarianism." N. N. Kozlova was not so interested in the forms of controlling the society as the lacunas in it, or in the techniques of totalitarian supremacy as in the practices of non-political resistance from below, or even in the totality as much as the discreteness of social matter of the new mass society. The "wrong" Soviet modern dropping out from the normative representations of Modernity was the main epistemological interest in her works, which is innovative from both the substantial and methodological standpoints. The investigative vision developed in Kozlova's works retains its heuristic significance even today when Russia is

experiencing a “Soviet Renaissance.” Moreover, her approaches to the study of the society of the “new type” allows for the anthropological understanding of the current state of our country. The paper reconstructs Kozlova’s research program regarding Soviet sociality as an object of social philosophy and social anthropology. The main focus will be the theoretical approaches to the analysis of the daily practices which allowed her to develop her unique methodology.

Keywords: political anthropology, Soviet studies, Natalya Kozlova, research program, everyday life, subjectless forms of sociality

References

- Baberowski J. (2014) *Vyzhzhennaja zemlja: stalinskoe carstvo nasilija* [The Scorched Earth: The Stalinist Realm of Violence], Moscow: ROSSPEN.
- David-Fox M. (2016) Modernost’ v Rossii i SSSR: otsutstvujushhaja, obshhaja, al’ternativnaja ili perepletennaja? [Modernity in Russia and USSR: Absent, Common, Alternative, or Intertissued?] *New Literary Observer*, no 4, pp. 19–44.
- Fullbrook M. (2005) *The People’s State: East German Society from Hitler to Honecker*, New Haven: Yale University Press.
- Elias N. (2001) Izmenenija balansa mezhdu Ja i My [The Change of Balance between Me and We]. *Obshhestvo individov* [The Society of Individuals], Moscow: Praksis.
- Kildushov O. (2014) Politicheskoe kak kommunikacija (Recenzija na knigu: Stephan Merl: Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen: Wallstein, 2012) [The Political as Communication (Book Review: Stephan Merl, Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich, Göttingen: Wallstein, 2012)]. *Russian Sociological Review*, vol. 13, no 3, pp. 238–245.
- Kozlova N. (2000) Opyt sociologicheskogo chtenija “chelovecheskih dokumentov”, ili Razmyshlenija o znachimosti metodologicheskoy refleksii [Essay on Sociological Reading of “Human Documents”; or, Thoughts on the Significance of Methodological Reflection]. *Sociological Studies*, no 9, pp. 22–32.
- Kozlova N. (2004). Metodologija analiza chelovecheskih dokumentov [The Methodology for Analysis the Human Documents]. *Sociological Studies*, no 1, pp. 14–26.
- Kozlova N. (2005) *Sovetskie ljudi: sceny iz istorii* [The Soviet People: Scenes from the History], Moscow: Evropa.
- Peukert D. (1982) *Volksgenossen und Gemeinschaftsfremde: Anpassung, Ausmerze und Aufbegehren unter dem Nationalsozialismus*, Köln: Bund-Verlag.
- Vishnevsky A. (1998) *Serp i rubl’: konservativnaja modernizacija v SSSR* [The Sickle and the Ruble: Conservative Modernization in USSR], Moscow: OGI.
- Weber M. (1990) *Izbrannye proizvedenija* [Collected Works], Moscow: Progress.
- Yurchak A. (2016) *Yeto bylo navsegda, poka ne konchilos’: poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until: The Last Soviet Generation], Moscow: New Literary Observer.